

И вновь Брендону и Марии...

Пролог

«Никто в наши дни не умеет хранить секреты», — думал Тэйт, спускаясь к озеру, в серебристой глади которого отражались вечерние облака Иллинойса. Он собирался посвятить в свою тайну лишь парочку первогодков, но кто-то из них проболтался: один поделился с другом, другой — с подругой, и вскоре компания приобщенных к тайне насчитывала уже двенадцать парней и пять девушек, причем все они — по его наущению — горели желанием нарушать правила.

А виноват отец. Ведь именно он, тоже учившийся в школе Гленлейк, привил ему уважение к местным традициям. Многие из них — запертые на замочки личные дневники, в которых учащиеся описывали всё, что случалось с ними за четыре года обучения: трапезы с преподавателями, выпускные страницы и прочее, — успешно сохранялись; но некоторые лишились бывшего значения, забылись или вовсе были запрещены. Однако папа помнил и то, что кануло в прошлое.

Более сотни лет, в первое полнолуние осеннего триместра, старшекласники вели новичков к озеру Лумис, где те, не снимая одежды, прыгали в воду со спасательной вышки. Так продолжалось до тех пор, пока экзамены по плаванию

и юридические проблемы положили конец рискованному обряду.

Но Тэйт вырос на рассказах отца. Вот уже три года он поддерживал статус хранителя тайных традиций Гленлейка и теперь планировал закрепить свою репутацию, восстановив этот опасный, забытый ритуал.

Жаль только, что облака скрыли луну и что у половины новичков под одеждой купальные костюмы, а в руках полотенца. Жалкое подобие старинных безалаберных занываний. Единственное, что радовало: в воздухе носились упорные слухи, что две девочки собирались прыгать со всем раздетыми.

Разумеется, сигануть со спасательной вышки не получится: их могут услышать или увидеть, а никому не хочется начинать триместр с выговоров, и ему меньше всех. Они, конечно, мятежники, но вовсе не идиоты. Поэтому, достигнув берега озера, учащиеся, сгруппировавшись по двое или по трое, отправились в обход по дороге, подгоняемые нервным ожиданием. Примерно через полмили скорость продвижения замедлилась, и послышались нетерпеливые вопросы: «Ну, скоро мы уже придем?»

Но Тэйт не собирался так просто сдавать лидерство: он вел и подбадривал, поддерживал в них запал оставшиеся полмили к протянувшемуся на пару сотен ярдов спуску к грунтовой дороге, заросшей кустарником и молодыми деревьями. Он вел их на вершину отвесных береговых скал.

* * *

Осыпающаяся скалистая вершина поднималась немного выше, чем спасательная вышка: она маячила над берегом на высоте двадцати пяти футов. Когда они смотрели на нее, стоя у подножия, где холодный ветер ерошил волосы и играл с одеждой, она казалась еще выше. По ту сторону

озерной глади влажно мерцали огни в окнах старинных величественных зданий Гленлейка.

— Эта озеро выглядит таким... чернющим, — пожившись, заметила одна из девочек.

— А как мы выберемся оттуда? — с фальшивой бравадой спросил коренастый мальчик.

— Здесь достаточно глубоко, но надо плыть направо, там есть участок пляжа, — пояснил Тэйт, — и оттуда по тропе можно опять забраться на вершину.

— Откуда ты знаешь?

— Мне отец рассказывал, — ответил он, не желая признаваться в том, что сам тайно ходил сюда каждый год, планируя этот момент. Не желая признаваться, что заранее облазил здесь все вдоль и поперек. И не желая признаваться также, что сам еще не сделал ритуальный прыжок.

Ведь на самом деле он его и не сделал.

— Ты будешь прыгать первым, — произнес чей-то голос.

Тэйт хотел сказать, что старшеклассники сами не прыгают — они заставляют прыгать других. Но вдруг осознал, что если хочет возобновить традицию и вписать свое имя в историю, то должен прыгнуть первым. Однако, черт побери, прыгать в одежде и возвращаться в мокрых джинсах ему решительно не хотелось.

Он снял ботинки и носки, потом рубашку и наконец, после минутного колебания, стащил джинсы, надеясь, что очертания его причиндалов скрыты боксерами.

— Погоди минутку! — воскликнула одна из девочек. — Сейчас я включу камеру!

Тэйт видел ее раньше в кампусе. Она вечно делала фотографии: иногда «айфоном», а иногда маленькой, но стильной и антикварной на вид цифровой камерой. И участвовала в выпусках школьной газеты или ежегодника, а может, и того, и другого.

Он не успел ничего сказать, как огоньки мобильных дисплеев моментально заплясали повсюду, точно светлячки, чтобы запечатлеть его прыжок.

Тэйта обуревали противоречивые чувства. Он представил себе одобрительные отзывы и комментарии на их посты в социальных сетях, однако закричал:

— Это же *тайный* обряд! Вы что, хотите, чтобы меня исключили?

Медленно, с явной неохотой, огоньки погасли.

Тэйт сожалел, что пришлось ждать так долго. По телу уже побежали мурашки.

— Прыгай давай! — крикнул кто-то из новичков, не желавших пропустить момент возрождения традиции.

Благодаря своим разведывательным походам Тэйт знал, что нужно будет прыгнуть подальше, за те камни, что торчали у подножия скалы. Сейчас их скрывал сумрак. Но он скорее умер бы, чем отказался от прыжка.

Тэйт сделал три быстрых шага к краю скалы, почувствовал, как почва ушла из-под правой ноги, и, оттолкнувшись другой ногой, рванулся вниз с криком:

— Виват Гленлейк!

Погружаясь в глубину, он видел над головой затухающий нимб серого света.

Когда достиг дна, его нога врезалась во что-то твердое и острое. Видимо, напоролся на камень.

Он выбрался на берег, слыша, как со скалы эхом разносятся ликующие возгласы:

— Гленлейк!

Девочка с камерой сунула ему под нос какое-то туманное видео.

— Я не устояла, — призналась она, — но ты можешь удалить его, если хочешь.

Ее благоухающие духами волосы скользнули по его мокрому плечу, и Тэйт вздрогнул. Просмотрев видео, в любом случае слишком расплывчатое и темное, чтобы узнать того, кто нырял, озабоченно потрогал ранку на ноге, как опытный легкоатлет, получивший травму. Порез оказался глубоким, но не опасным. Чтобы не испачкать рану, Тэйт попросил принести сверху его носки и ботинки.

— О боже, ты же истекаешь кровью! — шепотом воскликнула она.

— Там внизу какая-то острая штуковина. Вроде бы что-то железное.

— Может, старая магазинная тележка или другая ржавая рухлядь? Держу пари, что горожане бегают сюда, чтобы выбросить свой мусор.

— Нет, там что-то совсем непохожее на тележку. Жаль, что не удалось рассмотреть получше...

— Хочешь сделать фотку?

Девочка вытащила водонепроницаемый чехол из кармана завязанных узелками бикини, выглядывавших из-под пояса ее джинсов. Сунув мобильник в чехол, она плотно запечатала его, закрыв пластиковую застежку, и включила камеру и фонарик.

— Я захватила чехол на всякий случай. Но не думаю, что рискну нырнуть.

До вершины утеса быстро долетела весть о том, что, занырнув в эту черную воду, старшеклассник порезал ногу о какую-то железяку.

Побуждаемый как любопытством, так и видом веснушчатой груди и бикини девочки с камерой, Тэйт вернулся в озеро и поплыл, выставив вперед светящийся, как биолюминесцентная рыба, телефон. Достигнув примерного места погружения, он подпрыгнул и занырнул в глубину, видя пе-

ред собой лишь узкий луч слабого света. Вода вокруг стала казаться еще темнее. Уходя все дальше на глубину, Тэйт постепенно выпускал набранный в легкие воздух, и наконец луч фонарика выхватил из мрака блеск какого-то стекла или металла.

Сначала он увидел изображение на мониторе камеры: автомобиль, большой и темный, лежал на правом боку. Уши уже заложило, когда парень выдохнул последний воздух, погрузившись глубже. И нечаянно открыл дверцу, ухватившись за дверную ручку, чтобы приблизиться к затонувшей машине.

Она выглядела как старый двухдверный спортивный автомобиль, похожий на те, что он видел по телику, когда показывали аукционы антикварного транспорта, или в городе. За рулем таких винтажных тачек сидели престарелые фанаты, медленно катившие по улицам и собирая восхищенные взгляды и возгласы прохожих.

От недостатка кислорода и острого волнения от сделанного открытия у Тэйта закружилась голова. Он осознал, что пора всплывать, однако жаждал триумфа: ему не терпелось заглянуть внутрь. Сделать снимок своей находки прямо на дне озера.

Он повернул экран «айфона». На мониторе отобразилась покрытая илом машина с треснувшими, но не выбитыми окнами, а за открытой дверцей — рулевое колесо.

Застегнутый ремень безопасности удерживал чьи-то останки.

Кости. Грудную клетку. Треснувший череп.

Глава 1

И в который раз перемены нового учебного года не принесли существенных изменений.

Или, точнее, подумал Йен, не изменилось ничего, за исключением учащихся и того, что они с Энди стали на двадцать с лишним лет старше, а школа Гленлейк начала строительство нового писательского центра — небольшого, но уютного здания, где студенты смогут читать, писать и общаться с преподавателями в достаточно непринужденной творческой обстановке, способной конкурировать с раскрученными школами Кремниевой долины... Ну, может, и не Кремниевой долины, а Кремниевое болото, как деловые спонсоры называли порой Чикаго, расположенный в сорока минутах южнее.

Забросив дорожные сумки в гостиницу «Олд роуд», чьи номера и коридоры выглядели достаточно тесными и обшарпанными, чтобы иметь историческое значение, супруги оставили машину на парковке и прошлись полмили до кампуса, наслаждаясь прекрасной осенней пятницей. Тротуар усыпала рыжевато-желтая листва. Она шуршала и ломалась под их ногами, распространяя терпкий запах увядания.

Йен взял Энди за руку. Ему вдруг вспомнилось, как они вместе шли по этой самой дороге, но в противоположную сторону, собираясь выпить кофе в единственной городской

закусочной: он тогда ослабил узел школьного галстука, а еще они курили сигареты, чувствуя себя совсем взрослыми.

Теперь же оба выглядели как богатые родители, отдавшие своих чад в престижную школу-интернат. Однако Йен снова чувствовал себя мальчишкой — только на сей раз одетым по-взрослому.

Заметив взгляд Энди, ставшей сейчас даже красивее, чем в юности, он на мгновение мысленно перенесся в будущее: сегодняшний вечер, когда они, подвыпившие, будут, покачиваясь, пробираться в свой гостиничный номер и — как он надеялся — славно закончат его в кровати. Отельные номера обычно действовали на его жену возбуждающе. Жаль, что им редко удавалось путешествовать вместе.

— Мы собираемся пропустить приветственную трепотню, верно? — заметила она.

На последних трех родительских выходных они входили в актовзый зал, когда директор школы, главы учебных кафедр и главный спонсор занудствовали уже больше часа. Энди была права — им и в этот раз незачем было спешить к началу. Они уже давно заслужили звания ветеранов.

— Может, нам стоило бы вместо этого неожиданно навестить Кэссиди?

Их пальцы по-прежнему были сплетены, и Энди слегка ущипнула его за руку.

— Типичный отцовский подход. Она, конечно, всю жизнь мечтала, чтобы мы неожиданно свалились ей на голову, помешав общению с друзьями. Нет уж, когда увидим ее, тогда и увидим.

Они шли по извилистой и длинной подъездной дороге, и Йен, как обычно, испытал приятное волнение от возвращения в альма-матер. Миновав повороты к преподавательским коттеджам, через пару сотен ярдов они увидели поблескивающие свежей краской готические письма: «Школа Гленлейк».

Пересекли овальную площадь перед Школьным центром Коупленда, построенного в дар школе его прапрадедом Огастесом Коуплендом, первостатейным бароном-разбойником¹.

— Не пора ли тебе смахнуть пыль с бюста? — привычно пошутила Энди, когда они поравнялись с бронзовым изваянием старого Огастеса, стоявшего при входе на шестифутовом мраморном постаменте.

Йен покачал головой. Он не мог винить предка за свою детскую неприязнь к кирпичному зданию, однако такое «наследство» все равно было обузой.

Пройдя между корпусом гуманитарных наук, в аудиториях которого Йен появлялся крайне редко, и корпусом естественных наук, где он чувствовал себя более комфортно, они миновали студенческий клуб, прорезанный травянистым хоккейным полем, и прогулялись по местам, где кипела реальная школьная жизнь. За общежитиями первогодков обогнули старые особняки, служившие общежитиями для старшекласников, и пересекли газон перед замшелой колоннадой. В школьные времена они тайно покуривали «травку» в ее тени, а однажды старательно вырезали свои инициалы на одной из колонн.

Осознав, что время поджимает, вернулись к особняку Маккормика, бывшего жилого дома этого обширного поместья, в котором теперь размещались административные службы. Но сначала заглянули в библиотеку, чьи внутренние стены были покрыты вставленными в рамки рукопис-

¹ Изначально «баронами-разбойниками» называли мелких феодалов средневековой Европы, взимавших подати за проезд через свои земли; сейчас это презрительное прозвище основателей крупных промышленно-финансовых корпораций, сколотивших свои состояния в период первичного накопления капитала во второй половине XIX и начале XX вв., в частности в годы Гражданской войны и Реконструкции, причем зачастую при помощи обмана и грубой силы.